

АЛЬБЕР

КАМЮ

СЧАСТЛИВАЯ СМЕРТЬ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Альбер Камю
Счастливая смерть

«Издательство АСТ»

1971

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Камю А.

Счастливая смерть / А. Камю — «Издательство АСТ»,
1971 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-137325-2

Ранний роман Альбера Камю «Счастливая смерть», несомненно, заинтересует читателя, потому что таит в себе много загадок. Роман не был опубликован при жизни автора, но именно «Счастливая смерть» открывает творческий диалог Камю с Ницше – диалог, в течение всей жизни служивший для Камю источником вдохновения и писательских открытий. «Счастливая смерть» – нежнейшая проба пера, однако в романе уже отчетливо звучит тема «Постороннего», которая станет впоследствии лейтмотивом творчества французского экзистенциалиста. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-137325-2

© Камю А., 1971

© Издательство АСТ, 1971

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Альбер Камю

Счастливая смерть

© Editions Gallimard, Paris, 1971

© Перевод. Т. Чугунова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

Часть первая

Естественная смерть

Глава 1

Было десять часов утра, Патрис Мерсо размеренным шагом двигался по направлению к вилле Загрея. В это время суток прислуга уходила на рынок, вилла была пуста. Стояло апрельское весеннее утро, холодное, выдержанное в чистых голубых тонах, какие бывают у льда, утро с большим ослепительным, но не жарким солнцем на небосклоне. Пространство между стволов сосен, которыми были обсажены прилегающие к вилле холмы, заполнял поток чистейшего света. Дорога была пустынна. Она чуть заметно поднималась в гору. Мерсо шагал с чемоданом в руке посреди небывалого утра, дарованного миру; в стылом воздухе слышались отрывистые звуки его шагов и поскрипывание ручки чемодана.

Немного не доходя до виллы, дорога уперлась в небольшую площадь, на которой был устроен сквер с садовыми насаждениями и скамейками. От яркого вида ранней алой герани среди серых алоэ, синего неба и побеленных известью стен изгороди повеяло чем-то детским, Мерсо опешил и на миг замер перед тем, как спуститься от площади к вилле. У порога виллы он остановился еще раз и надел перчатки. Затем открыл дверь, которую калека держал незапертой, и прикрыл ее за собой. Пройдя по коридору до третьей двери слева, он постучал и вошел в комнату. Загрей сидел в кресле на том самом месте у камина, на котором двумя днями ранее сидел Мерсо, культы его ног были прикрыты пледом. Когда Мерсо вошел, он читал; гость закрыл за собой дверь и остался стоять у входа; Загрей поднял глаза от книги, лежащей на пледе, и без всякого удивления уставился на него своими круглыми глазами. Занавески на окнах в комнате были отдернуты, на полу, на мебели, на предметах маячили солнечные зайчики. За окнами, на обласканной солнечными лучами и все же холодной земле улыбалось утро. Разлитая в ледяном воздухе радость, пронзительные крики птиц, неуверенно пробующих голоса, неудержимый поток безжалостного света с небес наполняли этот утренний час простодушной и естественной жизнью. Мерсо задохнулся от царящей в помещении жары. Несмотря на перемену погоды, в камине Загрея вовсю пылал огонь. Кровь прилила к вискам Мерсо, в ушах застучали молоточки. Загрей молчал, не спуская с него глаз. Патрис подошел к внушительному сундуку, находящемуся по другую сторону камина, и, не глядя на калеку, положил свой чемодан на стол. И тут почувствовал едва ощутимую дрожь в лодыжках. Он сунул в рот сигарету и неловко, из-за того что руки были в перчатках, прикурил. Сзади раздался негромкий хлопок. Не вынимая сигарету изо рта, он обернулся. Загрей захлопнул книгу, по-прежнему не сводя с гостя глаз. Чувствуя, что огонь до боли обжигает колени, Мерсо прочел название книги, расположенное по отношению к нему вверх ногами: «Придворный человек» Бальтасара Грасиана¹. После чего без дальнейших колебаний нагнулся к сундуку и открыл его. Черный на белом револьвер сверкал всеми своими изломанными гранями, словно какой-нибудь ухоженный кот, под ним лежал конверт с письмом Загрея. Мерсо взял его в левую руку, а револьвер – в правую. После недолгого колебания сунул оружие под мышку левой руки и открыл конверт. В нем находился один-единственный листок бумаги большого формата, на котором крупным угловатым почерком Загрея было написано несколько строк:

---

¹ *Грасиан Бальтасар* (1601–1658) – испанский моралист и эссеист, чьи произведения повлияли на европейскую нравственную традицию. «Придворный человек» (1647) представляет собой собрание максим.

«Вместе со мной уходит лишь полчеловека. Прошу отнестись ко мне снисходительно, в моем сундуке найдется чем отблагодарить тех, кто служил мне. Кроме того, я желаю, чтобы его содержимое способствовало улучшению содержания приговоренных к смерти. Но осознаю, что прошу слишком о многом».

Мерсо с непроницаемым лицом сложил письмо; в эту минуту от сигаретного дыма защи-пало в глазах, немного пепла упало на конверт. Он стряхнул пепел, положил конверт с запиской на стол на самом виду и повернулся к Загрею. Глаза того теперь были устремлены на конверт, его короткие и мускулистые руки лежали по обе стороны книги. Мерсо нагнулся к сундуку, повернул ключ в замке сейфа, находящегося в нем, и завладел пачками денег, завернутыми в газетную бумагу, сквозь которую просвечивали корешки купюр. Держа револьвер под мышкой, одной рукой аккуратно заполнил ими свой чемодан. Там было меньше двадцати пачек с сотенными купюрами; чемодан Мерсо оказался слишком большим. Одну пачку он оставил. Закрыв чемодан, бросил недокуренную сигарету в огонь и, переложив револьвер в правую руку, приблизился к калеке.

Загрей смотрел в окно. Было слышно, как мимо входной двери с легким шамкающим шумом проехал автомобиль. Загрей сидел неподвижно, казалось, он весь ушел в созерцание баснословной красоты апрельского утра. Даже почувствовав приставленный к правому виску револьвер, он не отвел взгляда от окна. Патрис увидел только, как его глаза наполнились слезами. И тогда зажмурился сам. Отступив на шаг, выстрелил. На мгновение прислонившись к стене, ощутил, как кровь зашумела у него в ушах. Он открыл глаза. Голова Загрея запрокинулась на левое плечо, тело почти не сдвинулось. Теперь это уже был не человек, а одна сплошная рана, состоящая из месива мозгов, костей и крови. Мерсо затрясло. Он обошел кресло, нащупал правую руку убитого, вложил в нее револьвер, поднес ее к виску и отпустил. Револьвер упал на подлокотник кресла, а с него на колени убитого. Прodelывая это, Мерсо взглянул на подбородок и рот калеки, сохранивших то же сосредоточенное и печальное выражение, которое было, когда Загрей смотрел в окно. В этот миг перед домом раздался пронзительный зов рожка, затем повторившийся. Он прозвучал как нечто, не имеющее отношения к реальности. Мерсо, не шевелясь, застыл над креслом. Звук отъезжающего автомобиля возвестил о том, что мясник отбыл. Мерсо схватил чемодан, открыл дверь, щеколда которой ярко сверкнула в солнечном луче, и высунул голову в коридор; у него пересохло во рту. Шагнув за порог дома, он быстро пошел прочь. На улице никого не было, только в дальнем конце небольшой площади виднелась стайка детей. Дойдя до площади, он внезапно ощутил, что ему холодно, на нем была легкая куртка, его проняла дрожь. Он дважды чихнул, и долина наполнилась насмешливым эхом, которое подхватил и унес в хрустальную вышину порыв ветерка. Слегка покачиваясь, Мерсо остановился и глубоко вздохнул. Мириады ослепительных улыбок спускались с голубого неба. Они играли на листьях, еще усеянных каплями дождя, на влажном туффе аллея, летели к домам, крытым черепицей цвета свежей крови, чтобы снова во весь опор умчаться к переливающимся через край воздушным и солнечным озерам, откуда только что, не удержавшись, пали на землю. Оттуда же доносилось мирное гудение крошечного самолета. Казалось, при подобной роскоши живительного воздуха и плодоносящих небес единственным, что могло бы составить смысл жизни людей, были сама жизнь и счастье. Все молчало в Мерсо. Он чихнул в третий раз и ощутил дрожь, которая бьет человека при лихорадке. Не глядя по сторонам, заспешил прочь, сопровождаемый скрипом ручки чемодана и звуком шагов. Добравшись до дома, он поставил чемодан в угол, лег и проспал до середины следующего дня.

Глава 2

Лето наполняло порт шумом и солнцем. Была половина двенадцатого. День начинался с середины, чтобы навалиться на причалы всем грузом своего жара. Перед складами Алжирской коммерческой палаты шла погрузка мешков с пшеницей на черные с красными трубами парходы. Запах мучной пыли, просачивающейся сквозь мешковину, смешивался с сильным запахом гудрона, возникшим от воздействия на асфальт жаркого солнца. У небольшого питейного заведения, отдающего лаком и анисовой водкой, собрались забулдыги; арабские акробаты в красных трико показывали, на что способны, на обжигающих подошвы плитках набережной, зрелище дополняли светящиеся блики, скачущие по морской равнине. Не обращая на все это никакого внимания, докеры с мешками на плечах ступали на прогибающийся под их тяжестью трап, состоящий из двух досок, который вел с набережной на грузовую палубу. Наверху, перед тем как нырнуть в темную дыру трюма с его запахом горячей крови, они на миг останавливались, ослепленные ярким светом, идущим с вышины, и представляли на фоне неба и бухты среди грузовых стрел и мачт со сверкающими на лицах, покрытых белым налетом пота и пыли, глазами. В обжигающем воздухе безостановочно выла сирена.

Внезапно порядок в цепочке докеров был нарушен, они прекратили свою работу. Один из них оступился и угодил ногой в щель между трехдюймовых досок. Его рука, которой он поддерживал сзади груз, оказалась придавленной огромным мешком, и он закричал от боли. В эту минуту Патрис Мерсо вышел из здания компании, в которой служил. И задохнулся от набросившегося на него летнего зноя. Открытым ртом ловил он испарения гудрона, от которых першило в горле. Подойдя к докерам, он увидел, что они высвободили своего раненого товарища, тот лежал на пыльных досках с побелевшими от боли губами, его сломанная выше локтя рука бессильно свисала вдоль тела. Из страшной раны торчал обломок кости. Кровь стекала вдоль руки и с еле слышным шипением падала капля за каплей на обжигающие камни, образуя лужицу, от которой шел пар. Мерсо не мог отвести глаз от вида крови до тех пор, пока кто-то не взял его под руку. Это был Эммануэль, «приятель по гонкам». Он указывал ему на грузовик, который приближался к ним среди портового грохота. «Погнали?» – спросил он. Патрис рванулся вперед. Грузовик обогнал их. Они бросились вдогонку, утопая в шуме и пыли, задыхаясь, ослепнув, осознавая только, что ведомы вперед необузданным порывом гонки, проходящей в бешеном ритме, задаваемом грузовыми стрелами и кранами, и сопровождаемой танцем мачт на горизонте да боковой качкой проржавевших судовых корпусов, вдоль которых они мчались. Мерсо первым уцепился за борт грузовика, демонстрируя свою силу и проворность, и запрыгнул в кузов. Затем помог забраться Эммануэлю, они сели, свесив ноги; грузовик летел вперед в белой пыли и жаре, спускающейся с неба, посреди фантастических портовых декораций, ошестинившихся мачтами и черными порталными кранами; Эммануэля и Мерсо подбрасывало на неровной набережной, и они хохотали до потери сознания, испытывая головокружительный подъем.

Добравшись до Белькура, они спрыгнули с грузовика. Эммануэль пел. Громко и фальшиво. «Понимаешь, – объяснил он однажды Мерсо, – что-то поднимается в груди. Когда я доволен. Когда плаваю в море». И правда, Эммануэль пел, когда плавал, и его голос, обычно хриплый от одышки, которая в воде пропадала, задавал ритм движениям его коротких мускулистых рук. Они пошли по Лионской улице. Верзила Мерсо шагал, с размахом выбрасывая вперед ноги, покачивая широкими и мускулистыми плечами. В том, как он ставил ногу на тротуар, в том, как скользящим движением бедер огибал преграды, порой встречающиеся на пути, чувствовалось, что он обладает на редкость молодым и сильным телом, способным одарить своего хозяина предельной физической радостью. Когда они останавливались, он переносил тяжесть тела на одно бедро, слегка подчеркивая свою гибкость, как делает человек, который

благодаря спорту научился ценить пластику движений. Его глаза блестели под слегка тяжело-ватыми надбровными дугами; когда он обращался к Эммануэлю, поджимая подвижные изогнутые губы, то машинально хватался за воротничок, чтобы освободить шею. Они вошли в кафе, где обычно обедали. Устроились за столиком и молча принялись есть. В помещении царил полумрак, было прохладно. Летали мухи, слышался стук тарелок вперемешку с головами посетителей. К ним подошел Селест, хозяин заведения. Высокий, усатый, он почесывал свой живот под фартуком, после чего оправлял его.

– Как дела? – поинтересовался Эммануэль.

– Как у стариков, – последовало в ответ.

Завязалась беседа. Селест и Эммануэль обменивались восклицаниями «Да, коллега!» и похлопываниями по плечу.

– Видишь ли, приятель, старики – это такие пустозвоны! – говорил Селест. – Утверждают, что настоящий мужчина тот, которому не меньше пяти десятков. Но это все оттого, что им самим по пятьдесят. У меня был приятель, который чувствовал себя счастливым в обществе своего сына, больше ему никто не был нужен. Они вместе ходили повсюду. Кутили. Что ты! И в казино заглядывали, приятель говорил: «На кой черт мне все эти старики? У них только одно на уме: про слабительное да про печень. С сыном куда как лучше. А стоит ему подцепить какую-нибудь дамочку, я делаю вид, что ничего не вижу, сажусь в трамвай и привет. Мне иного не надо». – Эммануэль засмеялся. – Конечно, – продолжил Селест, – не слишком педагогично, но мне нравилось. – И, обращаясь к Мерсо, добавил: – Лучше уж такой приятель, чем тот, который у меня был. Когда у него пошли дела, он стал говорить со мной, запрокидывая голову и со всякими ужимками. Теперь гордости поубавилось, когда он все потерял.

– Так ему и надо, – вставил Мерсо.

– Да, не нужно быть сволочью. А все же был на его улице праздник, погулял он, что и говорить. Девяносто тысяч франков... Мне бы столько!

– И что бы ты сделал? – поинтересовался Эммануэль.

– Купил бы хибару, намазал бы клеем пупок и приклеил флаг. И стал бы ждать, откуда подует ветер.

Мерсо неторопливо ел до тех пор, пока Эммануэль не взялся рассказывать хозяину о своем участии в знаменитой битве на Марне.

– Нас, зуавов, сделали простыми пехотинцами...

– Ты нас уже достал, – незлобиво одернул его Мерсо.

– «В атаку готовься!» – кричит командир. Там был такой овраг, поросший деревьями, мы – в него. Нам велят целиться, но впереди никого. Ну, мы потопали вперед. А потом вдруг по нам как стали строчить из пулеметов. Все попадали друг на друга. Столько убитых и раненых было, что по дну оврага текла река крови, можно было на лодке плыть. Некоторые кричали: «Мама!» Жуть, да и только.

Мерсо встал и завязал салфетку узлом. Патрон отправился пометить его долг за обед мелом на двери кухни. Дверь служила ему книгой должников. Когда возникали споры, он просто снимал дверь с петель и на спине приносил доказательство. За стойкой пристроился сын хозяина Рене и ел яйцо всмятку. «Бедняга, слаб грудью», – проговорил Эммануэль. Так и было. Рене всегда хранил молчание и никогда не улыбался. Особенно изможденным назвать его было нельзя, разве глаза как-то странно блестели. В этот раз один из посетителей втолковывал ему, что туберкулез «со временем, если соблюдать меры предосторожности, излечим». Тот важно кивал. Мерсо подошел к стойке и сел рядом с ним, чтобы выпить кофе. Посетитель продолжал:

– Ты Жана Переса знал? Из Газовой компании? Помер. У него было поражено только одно легкое. Но он пожелал покинуть больницу и вернуться домой. А там жена. А он страсть как это любил. Болезнь его таким сделала. Понимаешь, он то и дело пользовал ее. Она не хотела. Но он ей спуску не давал. По два, три раза на дню, ну, это его и доконало.

Рене с куском хлеба во рту перестал жевать и уставился на говорившего.

– Да, – сказал он наконец, – болезнь схватить недолго, а вот чтобы от нее избавиться, для этого нужно время.

Мерсо написал пальцем свое имя на запотевшем кофейнике. Моргнул. Его жизнь каждый день протекала между этим спокойным чахоточным и Эммануэлем, из которого сами собой вылетали песни, ее сопровождали запахи кофе и гудрона, и все это не имело никакого отношения к нему самому и его интересам, все это было чуждо его сердцу и его собственной истине. В других обстоятельствах те же самые вещи могли бы и заинтересовать его, но поскольку он жил в данных обстоятельствах, то молчал до тех пор, пока не оказывался у себя дома, и прилагал все силы к тому, чтобы подавить огонь жизни, полыхавший в нем.

– Эй, Мерсо, ты ведь у нас образованный, подсчет верный? – обратился к нему патрон.

– Верный, потом пересчитаешь.

– У тебя сегодня львиный аппетит.

Мерсо улыбнулся, вышел из кафе, перешел улицу и поднялся к себе. Его комната располагалась над лавкой, в которой торговали кониной. Когда он выходил на балкон и облокачивался на перила, до него долетал запах крови и была видна вывеска: «Самое благородное из завоеваний человека». Он вытянулся на постели, выкурил сигарету и заснул.

Прежде комнату занимала его мать. Они издавна проживали в этой трехкомнатной квартире. Оставшись один, Мерсо сдал две комнаты знакомому бочару и его сестре, а себе оставил комнату получше. Мать Мерсо умерла в пятьдесят шесть лет. Она была красивой и в молодости думала, что может кокетничать и блистать, что у нее все сложится как нельзя лучше. Но к сорока годам ее поразила страшная болезнь. Наряды, румяна остались в прошлом, она облачилась в рубашки и халаты, ее лицо претерпело изменения, стало одутловатым, а сама она почти перестала двигаться из-за распухших, утративших силу ног, в придачу ко всему ослепла и на ощупь потерянно бродила изредка по пыльным неухоженным комнатам. Такая перемена случилась с ней внезапно. У нее обнаружился диабет, который она мало того что запустила, так еще и усугубила своей беззаботностью. Мерсо был вынужден оставить учебу и пойти работать. До самой смерти матери он продолжал читать и размышлять. Она выдержала десять лет такой жизни. Муки ее длились долго, и окружающие свыклись с болезнью и забыли о том, что однажды ей может прийти конец. И вот ее не стало. Мерсо жалели. Ждали многого от похорон. Знали о привязанности сына к матери. Заклинали дальних родственников не плакать, чтобы не увеличивать горе Патриса. Умоляли их охранять его покой, заботиться о нем. Что до него самого, он оделся в лучшее платье и со шляпой в руке наблюдал за подготовкой к похоронам. Затем шел за гробом, присутствовал на отпевании, бросил пригоршню земли в могилу и пожал руки собравшимся. И только раз удивился и выразил неудовольствие по поводу того, что не на всех хватило машин. И все. На следующий день на одном из окон появилось объявление: «Сдается». Он поселился в ее комнате. В бедности, которую они делили с матерью, прежде была какая-то прелесть. Когда они сходились за столом, на котором стояла керосиновая лампа, уединенная простота их вечеров наполнялась тайным счастьем. В этой части города было довольно спокойно. Мерсо посматривал на усталый рот матери и улыбался. Она тоже улыбалась ему. Он не спеша ел. Лампа чуть коптила. Мать привычным жестом правой руки регулировала пламя, не меняя позы, откинувшись на спинку стула. «Ты сыт?» – спрашивала она чуть погодя. «Да», – отвечал он. После ужина он курил или читал. В первом случае мать ворчала: «Опять?» Во втором: «Сядь ближе к лампе, испортишь зрение». Теперь бедность вкупе с одиночеством превратилась в настоящее бедствие. И когда Мерсо с грустью вспоминал усопшую, на самом деле его жалость была направлена на самого себя. Он мог бы переселиться в более комфортабельное жилье, но дорожил этим, в котором витал дух нужды. Тут, по крайней мере, он был рядом с тем, чего уже не было; он намеренно старался стушеваться, стать незаметным; часы, проведенные наедине с самим собой, полные мерзкого долготерпения, позволяли

ему в минуты печали и сожалений по-прежнему ссылаться на заведенный в его жизни порядок. Он даже оставил на входной двери кусок серого картона с неровным краем, на котором мать когда-то давно вывела синим карандашом свое имя. Сохранил старую медную кровать, застеленную сатином, портрет деда, на котором тот был изображен с бородкой и неподвижным взглядом светлых глаз. Пастухи и пастушки по-прежнему водили хоровод вокруг старых сломанных часов и керосиновой лампы, которую он почти не зажигал. Подозрительная обстановка, состоящая из продавленных соломенных стульев, платяного шкафа с пожелтевшим от времени зеркалом и туалетного столика с отбитым краешком мраморной столешницы, для него словно бы и не существовала, поскольку привычка притупила восприятие. Патрис прохаживался по затененной комнате, которая не требовала от него никакого вмешательства, так, будто ее и не было вовсе. В другом помещении пришлось бы привыкать к чему-то новому, а значит, чему-то противостоять. Он желал по возможности уменьшить пространство, которое занимал в мире, и спать до тех пор, пока все не закончится. Вот в этом-то намерении комната и служила ему подспорьем. Одно ее окно выходило на улицу, другое – на всегда завешанную бельем террасу, за которой располагались небольшие палисадники с апельсиновыми деревьями, зажатые высокими стенами. Иногда летней ночью он не зажигал в комнате свет и распахивал окно, выходящее на террасу. Ночь за ночью апельсиновые деревья отсылали к его окну легкие языки источаемого ими аромата. И тогда на протяжении всей летней ночи его комната и он сам купались в этом одновременно тонком и насыщенном аромате, и это было похоже на то, как если бы, давно покончив счеты с жизнью, он снова впервые распахивал для нее свое окно.

Мерсо очнулся в поту, весь еще во власти сна. День был в разгаре. Он причесался, бегом спустился по лестнице и вскочил в трамвай. В начале третьего он сидел на своем рабочем месте. Комната, в которой Мерсо работал, была большая, все четыре стены представляли собой ниши, по которым были разложены стопки папок. Комната не была ни грязной, ни мрачной, но в любой час дня напоминала колумбарий, в котором истлевало время. В обязанности Мерсо входило проверить коносаменты², перевести списки товаров, загруженных на английские суда, и с трех до четырех принять желающих отправить посылку.

Он стремился к такой работе, которая на самом деле не подходила ему. Поначалу она являлась для него хоть какой-то ниточкой, связывавшей его с реальной жизнью. Тут были и живые лица, и постоянные посетители, тут веяло чем-то свежим, от чего начинало биться сердце. В своей рабочей комнате он мог укрыться от трех машинисток и начальника конторы г-на Ланглуа. Одна из машинисток была довольно хорошенькой, она только недавно вышла замуж. Другая жила с матерью, а третья была старой девой, энергичной и полной собственного достоинства, Мерсо нравилась ее цветистая речь и сдержанность в отношении «собственных бед», по выражению Ланглуа. Тот вступал с ней нередко в перепалки, в которых немолодая госпожа Эрбийон всегда одерживала верх. Она презирала Ланглуа за прилипшие к ягодицам брюки, за состояние невменяемости, охватывавшее его в присутствии директора, а иной раз и тогда, когда в телефонной трубке звучало имя адвоката или какого-нибудь хмыря, чья фамилия предварялась частицей «де». Несчастный безрезультатно пытался смягчить пожилую даму либо найти путь к ее благожелательности. Этим вечером он стоял посреди комнаты и переваживался с ноги на ногу. «Не правда ли, госпожа Эрбийон, вы находите меня симпатичным?» Мерсо как раз пытался перевести слово *vegetables*³, созерцая лампочку в абажуре из зеленого гофрированного картона над головой. Напротив него висел красочный календарь, на котором была изображена сцена религиозного праздника. Губка для смачивания пальцев, бювар, чернильница и линейка лежали на столе. Окна выходили на штабеля досок, доставленных из Норвегии желто-белыми грузовыми судами. Он прислушивался. За стеной конторы в море и в

² Накладная или описание товаров, отправляемых водным путем.

³ Зелень, овощи (англ.).

порту глубоко и глухо дышала жизнь. Так далеко и вместе с тем так близко... Звонок, прозвучавший в шесть часов, освободил его. Была суббота.

Вернувшись домой, он лег и проспал до ужина. Приготовил себе яичницу и стал есть прямо со сковороды (без хлеба, поскольку забыл купить его), затем прилег и снова заснул – до утра. Проснувшись незадолго до второго завтрака, он привел себя в порядок и спустился поесть. Вернувшись, решил два кроссворда, тщательно вырезал из журнала рекламу солей Крюшена, которую наклеил в тетрадь, уже заполненную изображениями старичков-шутников, спускающихся по перилам. Покончив с этим, Мерсо вымыл руки и вышел на балкон. Погода стояла прекрасная. Мостовая лоснилась, прохожие были редки, к тому же спешили. Он провожал взглядом каждого и выпускал его из виду только для того, чтобы заняться следующим. Сперва это все были семьи, вышедшие на прогулку, примерно такие, как эта: два мальчика в отглаженных матросках и штанишках ниже колен и девочка с большим розовым бантом и в черных лакированных туфельках. С ними мать, этакая чудовищная зверюга в шелковом платье каштанового цвета и в боа, и отец более утонченного вида, с тросточкой в руках. Чуть позже на улице появились местные молодые люди с напомаженными волосами и в красных галстуках, в слишком зауженных пиджаках с вышитыми кармашками и в ботинках с квадратными носами. Они спешили в кинотеатр, расположенный в центре города, и, громко смеясь, сели в трамвай. После них улица мало-помалу опустела. Во всех кинотеатрах начались сеансы. Квартал оказался во власти лавочников и котов. Небо над фикусами, окаймляющими улицу, хотя и чистое, было каким-то потухшим. Продавец табачных изделий, чья лавка находилась как раз напротив дома Мерсо, вынес на улицу стул и сел на него верхом, положив локти на спинку. Трамваи, еще совсем недавно набитые до предела, шли почти пустые. В небольшом кафе «У Пьеро» официант подметал пустынный зал, используя опилки. Мерсо последовал примеру торговца, повернул стул спинкой к улице, уселся на него верхом и выкурил две сигареты подряд. После чего ушел в комнату, отломил кусочек от плитки шоколада и вернулся с ним к окну. Чуть погода небо нахмурилось, затем снова посветлело. Однако тучи все же оставили после себя как бы обещание дождя, и на улице стало темнее. В пять часов трамваи с шумом доставили с пригородных стадионов болельщиков, которые гроздьями висели на подножках и цеплялись за поручни. В следующих трамваях возвращались игроки, которых можно было узнать по их чемоданчикам. Они вопили и во всю глотку распевали о том, что их клубу нет равных. Многие из них делали Мерсо знаки. Один крикнул: «Мы их сделали!» «Здорово!» – только и ответил он, кивнув. На улице появилось больше машин. Капоты и бамперы некоторых были украшены цветами. День еще не закончился. Небо над крышами окрасилось в красноватые тона. С наступлением вечера улицы снова оживились. Кто-то вышел на прогулку. Уставшие дети плакали, упирались, родители тащили их за руки. В это время местные кинотеатры выплеснули на улицу толпы зрителей. В решительных и самонадеянных жестах молодых людей, выходящих из кинотеатра, Мерсо узнавал сюжет приключенческого фильма, который они только что посмотрели. Те, кто ездил в кинотеатр в центре города, появились чуть позже. Они были сдержаннее. В их глазах и манере держать себя сквозь смех и грубые шутки проскальзывало нечто вроде ностальгии по той блестящей жизни, которую показал им кинематограф. Они еще долго не расходились по домам. В конце концов, на тротуаре напротив дома Мерсо образовались два потока. Местные девушки с непокрытыми головами, держащиеся за руки, составляли один из них. Юноши, бросавшие в их адрес шутки, на которые те реагировали поворотом головы и смехом, составляли другой. Люди постарше заходили в кафе или сбивались в кучки, которые человеческий поток огibal, как островки. Зажглись электрические фонари, отчего померкли первые появившиеся на небе звезды. Мерсо с высоты балкона взирал на скопище людей на освещенных фонарями тротуарах. От ламп сверкала мостовая, свет трамваев, курсировавших через определенные промежутки времени, выхватывал из темноты чью-то голову, волосы, губы, улыбку или серебряный браслет. Некоторое время спустя трамваи стали ходить

реже, ночная темнота опустилась на деревья и фонари, улица опустела, и кот медленно перешел вновь обезлюдевшую улицу. Мерсо вспомнил, что неплохо было бы поужинать. У него слегка ломило шею от того, что он долго оставался в одном положении, упершись подбородком в спинку стула. Он спустился купить хлеба и макарон, приготовил ужин и поел. Затем вновь вернулся к окну. Люди выходили из кафе, посвежело. Он поежился, закрыл окно и подошел к зеркалу, висящему над камином. За исключением тех вечеров, когда Мерсо принимал Марту у себя, или когда они вместе куда-то выходили, или когда он писал письма подружкам из Туниса, вся его жизнь отражалась в пожелтевшем зеркале, в том числе комната, в которой заляпанная спиртовка соседствовала с черствыми кусками хлеба.

«Еще одного воскресенья как не бывало», – подвел Мерсо итог дня.

Глава 3

Когда Мерсо шел вечером рядом с Мартой, его распирало от гордости при виде игры света и тени на ее лице, все представлялось чудесным образом возможным, и даже собственные сила и смелость казались неоспоримыми. Он был благодарен ей за то, что она, идя рядом с ним, выставляла напоказ свою красоту, которая всякий раз была для него как тончайший напиток. Если бы Марта была невзрачной, он страдал бы точно так же, как страдал, представляя себе ее в объятиях других мужчин. Ему доставляло удовольствие появляться с нею в зале до начала сеанса, когда почти все места были уже заняты. Она шла впереди него, вызывая восторженные взгляды, ее лицо было словно сад, наполненный цветами и улыбками. Он шел следом со шляпой в руке, чувствуя сверхъестественную раскованность, внутренне осознавая и собственную неотразимость. Вот и в этот раз он напустил на себя отстраненный и важный вид. Был преувеличенно вежлив, посторонился, чтобы пропустить служительницу, помогающую найти свое место, предупредительно опустил сиденье Марты. Это было сделано не столько из желания казаться, сколько из переполнявшей его признательности, заставляющей любить всех. Не зная, как отплатить за свою радость, он оделил служительницу чересчур щедрыми чаевыми, этим обыденным жестом выражая свое преклонение перед божеством, чья ослепительная улыбка отражалась масляным блеском в его взгляде. В антракте, прогуливаясь в фойе среди зеркал, которыми были увешаны стены, он мог воочию лицезреть свое счастье: зал, мелькающие изящные фигуры других зрителей, его собственный темный силуэт и улыбка Марты, одетой во что-то светлое. Да, ему по душе было и собственное лицо, отражающееся в зеркалах, этот подрагивающий рот, лихорадочный блеск чуть запавших глаз. Но ведь красота мужчины отражает глубокие, присущие ему качества практического свойства. На его лице читается, на что он способен. Идет ли это хоть в какое-то сравнение с великолепной непрактичностью женского лица?! Мерсо отлично осознавал все это, он тешил свое самолюбие и улыбался своим внутренним демонам.

Вернувшись в зал, он подумал, что когда ему приходилось бывать в кинотеатре в одиночестве, в антракте он никогда не выходил из зала, предпочитая курить и слушать пластинки с легкой музыкой, которые ставили в это время. Но на сей раз игра продолжалась и в антракте. И годился любой случай продлить ее, подстегнуть. Устраиваясь в кресле, Марта ответила на приветствие мужчины, сидящего на несколько рядов дальше за ними. Мерсо тоже кивнул ему, и вдруг, или это ему только показалось, на лице незнакомца мелькнула ухмылка. Он сел, не замечая жеста Марты, собиравшейся о чем-то сказать и положившей ему на предплечье руку, хотя минутой раньше он с радостью бы воспринял этот жест как новое доказательство той власти, которую она за ним признавала.

– Кто это? – спросил Мерсо, ожидая, что Марта совершенно естественно переспросит, о ком речь. Так и вышло.

– Ты знаешь, о ком. Тот тип...

– А-а, – только и ответила она и замолчала.

– Так кто же он?

– Тебе непременно надо знать?

– Нет, – отрезал Мерсо.

Он слегка обернулся. Незнакомец смотрел на затылок Марты, и ни один мускул в его лице не дрогнул. Он был довольно хорош собой, с очень полнокровными красивыми губами, но глаза его были невыразительны и чуть навывкате. Мерсо ощутил, как к вискам прилила кровь. Глаза застлало черной пеленой, блестящие картины идеальных декораций, в которых он пребывал последние несколько часов, внезапно оказались измаранными сажей. К чему было спрашивать? И без того было ясно: этот тип спал с Мартой. В Мерсо ширилась, подобно тому,

как это происходит с человеком, которым завладевает паника, мысль о том, что мог думать этот человек. Ему это было хорошо известно, ему и самому случалось так думать: «Можешь выпендриваться сколько хочешь...» При мысли, что в эту самую минуту незнакомец представляет, какова Марта в постели, – например, как она прикрывает рукой глаза в миг наслаждения, – при мысли, что этот мужчина тоже пытался убрать ее руку, чтобы увидеть мятежный огонь темных богов, загорающийся в ее глазах, Мерсо почувствовал, что земля уходит у него из-под ног, и когда прозвучал звонок, возвещающий о продолжении сеанса, его закрытые глаза стали наполняться слезами гнева. Он забыл о Марте, которая была лишь предлогом для его радости, полностью погрузившись в поднявшуюся в душе ярость. Он долго сидел с закрытыми глазами, а когда открыл их, то увидел на экране опрокинутый автомобиль, одно колесо которого продолжало медленно вращаться среди полной тишины, увлекая в свое упрямое вращение весь стыд и унижение, порожденные недобрым сердцем Мерсо. Потребность знать наверняка заставила его забыть о достоинстве:

– Марта, он был твоим любовником?

– Да, – ответила она. – Дай посмотреть кино.

В этот день Мерсо начал привязываться к Марте. Он познакомился с ней несколько месяцев назад. Был поражен ее красотой и элегантностью. На слегка широком лице с правильными чертами сияли золотые глаза, а губы были так искусно накрашены, что она казалась одной из древних разрисованных богинь. Природная глупость, легко заметная в ее взгляде, еще более подчеркивала невозмутимость и неприступность. До сих пор, всякий раз, как у Мерсо завязывались с женщиной какие-то отношения, осознавая, что, как это ни прискорбно, любовь и желание одинаково выражают себя, он думал о разрыве еще до того, как заключал ее в объятия. Но Марта пришла на ту пору, когда Мерсо освобождался от всего, в том числе и от самого себя. Забота о свободе и независимости рождается только у того, кто еще живет надеждой. Для Мерсо ничто тогда уже не имело особого значения. И в первый раз, когда Марта обмякла в его объятиях и он увидел, как на ее лице, черты которого расплывались в силу максимальной близости, ожили и потянулись к нему ее губы, до того бывшие неподвижными, словно нарисованные цветы, он не связал с ней своего будущего, но вся сила его желания сосредоточилась на ней и теперь была связана именно с ее обликом. Губы, протянутые ему навстречу, казались посланием мира, лишённого страсти, но переполненного желанием, которым его сердце могло бы удовлетвориться. Он ощутил это словно чудо. Его сердце забилося, испытывая нечто, что он чуть было не принял за любовь. Когда он почувствовал прикосновение к полнокровной эластичной плоти ее уст, он долго ласкал их собственными губами, отдавшись этому так, словно это были не уста, а сама дикая свобода, а потом яростно впился в них зубами. Она стала его любовницей в тот же день. Прошло некоторое время, их любовное согласие было нерушимым. Но узнав ее получше, он мало-помалу утратил интуитивное ощущение странности, которое открылось ему в ней поначалу и которое, склонившись над ее устами, он все еще пытался порой воскресить. Так что Марта, привыкшая к сдержанности и холодности Мерсо, так и не поняла, отчего однажды в переполненном трамвае он попросил о поцелуе. Ошеломленная этой просьбой, она ее безропотно исполнила. И он взял ее губы так, как любил это делать, сперва лаская их своими губами, потом неспешно покусывая. «Что это с тобой?» – позже спросила она. Он улыбнулся короткой многозначительной улыбкой и проговорил: «Хочется похулиганить», после чего замкнулся. Его манера выражаться также была для нее загадкой. После любовных объятий, в ту минуту, когда в освобожденном от желания и расслабленном теле дремлет сердце, полное разве что нежной привязанности, напоминающей ту, что испытывают по отношению к грациозной собачке, Мерсо с улыбкой говорил ей: «Здравствуй, видение».

Марта была машинисткой. Она не любила Мерсо, но была к нему привязана в той мере, в которой он возбуждал в ней любопытство и льстил ее самолюбию. С того дня, как Эммануэль, которого Мерсо ей представил, сказал о своем друге: «Знаете, он неплохой тип, этот Мерсо.

У него есть кое-что за душой. Но он держит ее на замке. А потому многие ошибаются», она взглянула на Патриса с любопытством. А поскольку он доставлял ей удовольствие, ей больше ничего не было нужно, она как могла приспособилась к этому любовнику, немногословному, не устраивающему скандалов, который никогда ничего от нее не требовал и принимал ее у себя, когда она того хотела. Правда, она испытывала легкое смущение в присутствии этого неуязвимого, лишённого слабостей человека.

Однако в этот вечер, выйдя из кинотеатра, Марта поняла: чем-то его все же можно пронять. Оставшись у него, промолчала остаток вечера. Ночью он до нее не дотронулся. Но с этой минуты она стала пользоваться своим открытием. Марта и раньше уже признавалась, что у нее были любовники. А сейчас смогла представить доказательства.

На следующий день она зашла к Мерсо, возвращаясь с работы, чего не делала прежде. Он спал на своей медной кровати, она не стала его будить, просто села у него в ногах. Он был в рубашке, из-под закатанных рукавов виднелась нижняя часть мускулистых загорелых рук. Он ровно дышал, одновременно вздымались и грудь, и живот. Две складки между бровями придавали ему выражение силы и упрямства, которое было ей хорошо известно. Завитки волос падали на его очень загорелый лоб, на котором вздулась, как бы рассекая его, вена. Он лежал на спине, на своих могучих плечах, вытянув руки вдоль тела, согнув одну ногу, и напоминал одинокого и упрямого бога, брошенного спящим в какой-то чужой, неведомый мир. При виде его полных, припухших ото сна губ она почувствовала, как в ней родилось желание. В эту минуту он приоткрыл глаза и, снова закрывая их, беззлобно промолвил:

– Не люблю, когда смотрят, как я сплю.

Она бросилась ему на шею и стала целовать. Он остался неподвижен.

– О, дорогой, еще одна из твоих причуд.

– Будь добра, не зови меня дорогим. Сколько раз тебе повторять.

Марта прилегла рядом и стала разглядывать его профиль.

– Интересно, на кого ты похож, когда лежишь вот так.

Он поправил брюки и повернулся к ней спиной. Часто у киногероев, у незнакомых людей, у актеров, игравших в пьесе, Марта подмечала жесты и мимику, характерные для Мерсо. В этом он усматривал влияние, которое имел на нее, но сегодня это ее качество, всегда льстившее его мужскому самолюбию, раздражало. Она прижалась к его спине и ощутила животом и грудью весь жар его разгоряченного сном тела. Быстро вечерело, комната погружалась в сумерки. Из глубины дома долетало множество звуков: плач наказанных детей, кошачье мяуканье, стук хлопающих дверей. Свет уличных фонарей падал на балкон. Редко проходил трамвай. Каждый раз после него в комнату тяжелыми волнами накатывал дух квартала, состоящий из запаха анисовой водки и чада жареного мяса.

Марта почувствовала, что засыпает.

– У тебя обиженный вид, – сказала она. – Уже вчера... Потому я и пришла. Молчишь? – Она потрясла его.

Мерсо остался неподвижен, он силился разглядеть в уже сгустившейся темноте туплю, поблескивающую под ночным столиком.

– Знаешь, – продолжала Марта, – этот вчерашний тип... Так вот, я оговорила себя. Он не был моим любовником.

– Нет? – переспросил Мерсо.

– Ну, не совсем.

Он молчал. Вчерашние улыбки, жесты стояли перед глазами. Мерсо стиснул зубы. Затем встал, распахнул окно и снова сел на постель. Она прижалась к нему, сунула руку ему за пазуху и стала ласкать его грудь.

– Сколько у тебя их было? – наконец произнес он.

– Ты мне надоел.

Мерсо замолчал.

– Ну с десяток, – ответила она.

Мерсо, как всегда после сна, потянуло курить.

– Я их знаю? – поинтересовался он, доставая пачку сигарет.

На месте лица Марты виднелось белесое пятно. «Как во время любви», – мелькнуло в голове.

– Некоторых да. Местных.

Она терлась головой о его плечо и говорила голосом маленькой девочки, что всегда трогало Мерсо.

– Послушай, малыш, – начал он, закуривая, – пойми меня. Обещай назвать мне их имена. А тех, что я не знаю, обещай показать, если мы с ними повстречаемся.

С возгласом «О, нет!» Марта отпрянула от него.

– Я прошу тебя об этом, потому что знаю себя, – с усилием выдавил Мерсо. – Если я не буду знать, кто они, это будет повторяться с каждым встречным. Я стану думать об этом, представлять себе. Вот в чем дело. Навоображаю себе бог знает чего. Не знаю, понимаешь ли ты.

Она прекрасно понимала. И назвала имена. Только одно было ему незнакомо. Последним оказался молодой человек, которого Мерсо знал. О нем-то он и подумал, поскольку тот был красавцем, пользующимся успехом у женщин. В любви Мерсо поражала, во всяком случае, поначалу, та невероятная близость, на которую соглашается женщина, то, что она позволяет плоти по сути чужого ей человека проникнуть в свое лоно. В этом своего рода легкомыслии, в этом головокружительном забвении и состояла чарующая и вместе с тем коварная сила этого чувства. Наличие такой вот близости между Мартой и ее любовником он и воображал себе. В эту минуту она села на край кровати и, поставив левую ногу на правую ляжку, сняла одну туфлю, затем таким же образом сняла другую, одна упала на бок, другая встала на высокий каблук. Мерсо почувствовал, как у него перехватило дыхание. Внутри все зануло.

– С Рене ты делала так же? – улыбаясь, спросил он.

Марта подняла на него глаза.

– Что ты там себе придумываешь. Мы только раз были вместе.

– А! – отозвался Мерсо.

– Я и туфель-то не снимала.

Мерсо встал с кровати. Его воображение тут же нарисовало Марту расprostертой точно на такой же постели, одетой и целиком, без остатка отдававшейся другому.

– Заткнись! – крикнул он и кинулся к окну.

– О, милый! – проговорила она, сев на постели и свесив ноги в чулках.

Мерсо понемногу успокаивался, глядя на игру света фонарей на трамвайных рельсах. Никогда еще он не ощущал себя настолько связанным с Мартой. И, понимая, что и сам еще больше приоткрывается ей, сгорал от ущемленной гордости. Он вернулся к ней и большим и указательным пальцем ухватился за теплую кожу у нее на шее, за ухом.

– А этот Загрей, он кто? Он единственный, кого я не знаю.

– С ним я и поныне вижусь, – смеясь, отвечала она.

Мерсо стиснул пальцы, больно ущипнув ее.

– Это мой первый, понимаешь. Я была совсем юной. Он чуть постарше. Теперь у него нет ног. Он одинок. Я иногда навещаю его. Он человек добрый, образованный. Все время читает. Тогда он был студентом. Веселый. Такой вот, что еще сказать? Впрочем, он выражается, как ты. Говорит: «Иди сюда, видение».

Мерсо задумался. Он отпустил Марту, она откинулась на спину и сомкнула веки. Немного погодя он сел рядом с ней и, склонившись над ее приоткрытыми губами, принялся

разглядывать, ища признаки ее животной божественности и пытаюсь избавиться от страдания, которое считал недостойным себя. Но дальше поцелуя дело не пошло.

Когда Патрис провожал Марту домой, она рассказала о Загрее:

– Я говорила ему о тебе. Сказала, что мой возлюбленный очень красив и силен. На что он ответил, что хотел бы с тобой познакомиться. «Мне легче дышать, когда я вижу прекрасное тело», – так он сказал.

– Еще один непростой тип, – отозвался Мерсо.

Марта хотела доставить ему удовольствие и ждала подходящего момента, чтобы, в свою очередь, устроить ему сцену ревности, которую задумала еще раньше.

– Не простой, но не настолько, как твои подружки.

– Какие подружки? – искренне удивился Патрис.

– Ну, те уродины, сам знаешь какие.

Уродинами она называла Розу и Клер, студенток из Туниса, с которыми он познакомился и с которыми, единственными, поддерживал переписку. Он улыбнулся и положил руку на ее затылок. Так они и шли. Марта жила далеко, возле полигона. Улица была длинной и в верхней части наполнена светом, льющимся из множества окон, тогда как в нижней части, где все магазины и лавки были закрыты, – совершенно темна и жутковата.

– Скажи, дорогой, ты их не любишь, этих уродин?

– Нет, конечно, – ответил Мерсо.

Он по-прежнему обнимал Марту за затылок, чувствуя тепло ее волос.

– Значит, меня любишь, – без всякой связи проговорила она.

Мерсо внезапно оживился и громко рассмеялся.

– Вот уж вопрос так вопрос.

– Отвечай.

– Но в нашем возрасте не любят. Нравятся друг другу, вот и все. Позднее, когда стареют, становятся немощными, тогда уж любят. А в нашем возрасте только думают, что любят. Не более того.

Она стала грустной, но он поцеловал ее. «До свидания, дорогой», – на прощание проговорила Марта. Мерсо пустился в обратный путь по темным улочкам. Он шел быстро, чувствуя игру мускулов ног под гладкой тканью брюк; вспомнился разговор о безногом Загрее. Ему захотелось познакомиться с ним, и он решил попросить Марту представить его.

В первый раз, когда Мерсо увидел Загрея, все в нем вскипело. Однако Загрей постарался приглушить остроту ситуации, возникшей в связи со знакомством двух любовников одной женщины, случившемся в ее присутствии. Он вел себя так, будто они с Мерсо были какими-то то ли сообщниками, то ли напарниками, называл Марту «неплохой девчонкой» и громко смеялся. Мерсо уперся и ни в какую не поддавался на его желание как-то разрядить обстановку. Однако стоило им с Мартой остаться одним, он грубо высказал ей все, что об этом думал.

– Получеловеков не люблю. Мне неловко в их присутствии. Мешает думать. А уж такие, которые еще и много из себя воображают, так и вовсе не для меня.

– Да, тебя послушать... – ответила Марта, которая не поняла, о чем он.

Однако впоследствии молодой смех Загрея, вначале отвративший его, показался Мерсо привлекательным, вызвал интерес. Да и плохо скрытая ревность, поначалу направлявшая Патриса в его суждениях, исчезла, когда он пригляделся к Загрею. Марте, которая к месту и не к месту по простоте душевной поминала времена, когда была близка с Загреем, он посоветовал:

– Не теряй даром время. Я не могу испытывать ревность к типу, у которого нет ног. Сколько бы я ни представлял себе вас вместе, его я вижу разве что большим червяком, который ползает по тебе. Сама понимаешь, от этого только смешно становится. Так что, ангел мой, нечего стараться.

Позже он один навестил Загря. Тот много и быстро говорил, то смеялся, то замолкал. Мерсо как-то очень уютно чувствовал себя среди книг и медных марокканских изделий, в большой комнате, где горел огонь в камине, отбрасывавший отблески на невозмутимый лик кхмерского Будды, который украшал письменный стол. Он любил слушать Загря. Его пора- жало в калек то, что тот думал, прежде чем что-то сказать. Сдерживаемой страстности, жизни, бившей ключом и оживлявшей этот нелепый человеческий обрубок, было довольно, чтобы удерживать Мерсо подле него и порождать в нем нечто, что при известном допущении он мог бы принять за дружбу.

Глава 4

В то воскресенье, после полудня, наговорившись и наштутившись, Ролан Загрей тихо сидел у камелька в своем большом кресле на колесиках, укрытый белым одеялом. Мерсо, опершись о книжный шкаф, смотрел сквозь белые шелковые занавески на небо и деревенский вид за окном. Он шел сюда под мелким морозящим дождиком и, опасаясь, что явился слишком рано, целый час бродил по полям. За окном творилось что-то немыслимое; не слыша порывов ветра, Мерсо видел, как в небольшой долине к земле пригибаются деревья. Со стороны дороги донеслись лязганье и кряхтение повозки молочника. Почти тотчас налетел ливень. Поток воды, словно густое растительное масло заливавший стекла, гулкий удаляющийся стук лошадиных копыт, более ясно различаемый теперь, чем грохотание повозки, глухой и настойчивый шум, производимый дождем, – все это плюс человек-обрубок возле огня и тишина в комнате обрело лицо прошлого, чья меланхолия проникала в сердце Мерсо подобно тому, как незадолго до этого поступали вода в его легкие туфли и холод в его тело, плохо защищенное тонкой материей. Несколько мгновений до того испаряющаяся тут же дождевая вода – ни дождь и ни туман – омыла его лицо, словно чья-то легкая рука, от чего глаза с залегшими под ними тенями стали как-то особенно выделяться на нем. Он перевел взгляд на небо, бездонная глубина которого бесперебойно поставляла все новые темные тучи, на смену одним то и дело приходили другие. Складка на его брюках от влаги исчезла, а вместе с нею ушли и тепло, и доверие, которые всякий нормальный человек носит в себе в мире, созданном по его мерке. Оттого-то он и подсел поближе к огню, в кресло напротив Загрея, стоящее в тени высокого камина, так, чтобы по-прежнему быть напротив неба. Хозяин взглянул на него, отвел взгляд и бросил в огонь шарик из бумаги, который держал в левой руке. От этого жеста, нелепого, как и все остальные жесты этого получеловека, Мерсо стало не по себе. Загрей молча улыбнулся. А потом вдруг приблизил к нему свое лицо. Отблески огня играли лишь на его левой щеке, голос и взгляд калеки потеплели.

– У вас усталый вид, – проговорил он.

– Верно, мне скучно, – смутился Патрис, помолчал, встал, подошел к окну и добавил: – Тянет то ли жениться, то ли свести счеты с жизнью, то ли подписаться на «Иллюстрасьон». Словом, совершить нечто.

– Вы бедны, Мерсо, – с улыбкой продолжал Загрей, – в этом причина половины вашего отвращения к жизни. А второй половиной вы обязаны дурацкому согласию с собственной бедностью.

Мерсо стоял спиной к нему и смотрел на гнущиеся под ветром деревья. Загрей погладил одеяло, укрывавшее его ноги.

– Вам ведь известно, о человеке судят по тому равновесию, которое он сумеет создать между своими телесными нуждами и духовными запросами. В данный момент вы судите о себе и приходите к неутешительному выводу. Вы дурно живете. Как варвар. – Он повернул к Патрису голову. – Вам ведь нравится водить машину?

– Да.

– И к женщинам вы равнодушны?

– Когда они красивы.

– Именно это я и имел в виду. – Загрей перевел взгляд на огонь. – Все это... – помолчав, вновь было заговорил он, но осекся.

Мерсо обернулся и, прислонившись к раме, которая слегка подалась, ждал окончания фразы. Загрей молчал. Ранняя муха забила о стекло. Патрис повернулся к стеклу, схватил ее, потом отпустил.

– Я не любитель серьезных разговоров, – глядя на него, с некоторым колебанием продолжил Загрей. – Оттого что серьезно можно говорить только об одном: об оправдании своей жизни. А я ума не приложу, как можно было бы оправдать в собственных глазах отсутствие ног.

– Я тоже, – не оборачиваясь, отозвался Мерсо.

Вдруг брызнул залиvistый смех Загря.

– Спасибо. Так вы, пожалуй, не оставите мне вообще никаких иллюзий. – И, сменив тон, добавил: – Но у вас есть причина быть жестоким. Однако хотелось бы сказать вам кое-что. – Он вдруг стал серьезнее и замолчал.

Мерсо вернулся в кресло, сел напротив него.

– Ну, так слушайте, – вновь быстро заговорил Загрей, – взгляните на меня. Мне помогают отправлять мои естественные нужды. Затем подмывают и вытирают. Хуже того, я плачу за это. Так вот, я ничего не предприму, чтобы укоротить свою жизнь, в которую так верую. Я бы согласился и на худшее, быть слепым, немым, все что захотите, лишь бы ощущать внутри то мрачное и обжигающее пламя, которое и есть я, причем живое «я», и могу лишь быть благодарным жизни за то, что мне все еще позволено гореть. – Он откинулся назад, слегка задышавшись. Его лицо находилось теперь в тени, хорошо различим был только белесый отблеск одеяла на его подбородке. – А вы, Мерсо, с вашим-то телом... Да ваша единственная обязанность – жить и быть счастливым.

– Не смешите меня, – ответил Мерсо. – Да я по восемь часов в день торчу на работе! Другое дело, будь я свободен!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.